

А.А. Федотов

Главный редактор научного журнала «На пути к гражданскому обществу», доктор исторических наук, профессор Ивановского филиала ЧОУ ВО «Институт управления», почетный работник науки и высоких технологий Российской Федерации, почетный работник образования Ивановской области

Сэр Уинстон Черчилль и академик И.И. Майский о событиях, приведших к власти Гитлера

Как писал бывший посол СССР в Англии академик И.М. Майский «на следующих страницах я расскажу подлинную правду о том, что действительно происходило в отношениях СССР с Англией, Францией и Германией весной и летом 1939 года. У меня есть особые преимущества для выполнения такой задачи. С одной стороны, как советский посол в Лондоне в те дни я был свидетелем и участником тройных переговоров 1939 года между СССР, Англией и Францией, с другой — как историк в послевоенный период я имел возможность изучить всю литературу (документы, мемуары, монографии и т. д.) о кануне Второй мировой войны, которая была опубликована после ее окончания. Однако для того чтобы правда, которую я расскажу, была настоящей правдой, я должен начать свое изложение не с 1939 года, а со значительно более ранней даты. Эта дата, естественно, определяется той гранью, которая является водоразделом в эпохе между двумя войнами — приходом гитлеризма к власти в Германии»[1, с. 7].

И.М. Майский пересказывал, как перед его назначением послом в Англию в 1932 году нарком иностранных дел СССР М.М. Литвинов давал ему директивы, указывая на то, что в связи с явными перспективами прихода в Германии к власти Гитлера, геополитическая ситуация изменится и Советскому Союзу «надо попробовать улучшить отношения с Англией и Францией, особенно с Англией, как ведущей державой капиталистической Европы. Правда, оба эти государства до сих пор относились к нам враждебно... Максим Максимович в подтверждение своей мысли некоторые важнейшие факты (руководящее участие Англии и Франции в интервенции 1918-1920 гг., ультиматум Керзона в 1923 году, налет на АРКОС (АРКОС — в полной расшифровке «All-Russian Cooperative Society», то есть «Всероссийское кооперативное общество», - являлся в те годы центральным органом советской торговли в Англии, юридически оформленным как английская торговая компания) и разрыв англо-советских дипломатических отношений в 1927 году, бешеные антисоветские кампании в 1930-1931 гг.)»[1, с. 14].

Представляет интерес воспоминание И.М. Майского о том, какова была реакция высшего общества Англии на него, как советского посла: «8 ноября 1932 г. я вручил свои верительные грамоты английскому королю и, стало быть, юридически оформил свое положение, как посла СССР в Великобритании. На следующий день мне пришлось уже в качестве советского представителя присутствовать на ежегодном банкете лорд-мэра лондонского Сити, устраиваемом по случаю его вступления в исполнение своих обязанностей. Этот банкет является чрезвычайно красивой церемонией средневекового стиля, на которую собираются 500-600 человек, представляющих подлинные «сливки» капиталистической Англии. <...> Пока гость идет, гремят аплодисменты ранее пришедших гостей в его честь. Доза аплодисментов варьируется в зависимости от положения и популярности гостя. Получается своеобразный плебисцит, и по количеству выпавших на долю гостя аплодисментов можно безошибочно судить об отношении к нему со стороны правящей Англии»[1, с. 19-20]. И далее И.М. Майский вспоминал как после бурных оваций японскому послу, когда «герольд возгласил:

- Его превосходительство советский посол Иван Майский!

Точно порыв ледяного ветра пронесся по залу. Все смолкло. Я тронулся по красной дорожке. Ни звука! Ни одного хлопка!... <...> Да, демонстрация чувств правящей Англии к Советскому Союзу была яркая и законченная!...»[1, с. 20-21].

И.М. Майский отмечал, что «в период между двумя мировыми войнами британский господствующий класс распадался по вопросу отношения к СССР на две главные группировки. В одной преобладал принцип государственного интереса — эта группировка видела, что Англия и СССР как державы не имеют никаких серьезных противоречий, а в области экономической даже очень могут быть полезны друг другу. Данная группировка отстаивала политику сближения с СССР. Среди ее видных представителей были такие люди, как Ллойд Джордж, Бивербрук, Иден, Вантисарт и др. После прихода Гитлера к власти к этой группировке присоединился и Черчилль. В другой группировке, напротив, преобладало слепое чувство классовой ненависти к СССР, как стране социализма. Эта группировка считала необходимым при всяких условиях атаковать Советский Союз, даже в ущерб национальным интересам Англии как государства. Ее наиболее видными представителями были Керзон, братья Чемберлен — Остин и Невиль, Биркхед, Джойнсон Хикс, Саймон, Галифакс и др. До 1934 г. с этой группировкой шел и Черчилль. Каково было соотношение сил между этими двумя группировками? <...> В середине и второй половине 30-х годов расстановка сил внутри господствующего класса Великобритании (беря за одну скобку консерваторов и либералов) была примерно следующая: в консервативной партии - три четверти или за Чемберленом и лишь около одной четверти стояли на позиции Черчилля; либералы делились между двумя группировками приблизительно пополам, однако в эти годы они уже явно шли к упадку и потеряли большую часть своего прежнего политического влияния. Отсюда ясно, что в рассматриваемый период чемберленцы в рядах господствующего класса играли решающую роль, особенно с учетом того, что в эпоху между двумя мировыми войнами они слишком долго стояли у власти и сумели заполнить своими сторонниками большую часть государственного аппарата»[1, с. 36].

Позднее, в своей знаменитой Фултонской речи, сэра Уинстон Черчилль говорил о том, что Второй мировой войны могло не быть, если бы именно его сторонники оказывали решающее влияние на политические процессы: «Когда в свое время я увидел приближающуюся опасность и обратился к своим согражданам и ко всему миру с призывом остановить ее, никто не прислушался к моим словам. А между тем вплоть до 1933 или даже до 1935 года Германию еще можно было спасти от ожидавшей ее страшной участи, и человечество избежало бы тех неисчислимых бед, которые обрушил на нее Гитлер. Во всей мировой истории не найти другого примера войны, которой можно было бы так же легко избежать, как недавней кровавой бойни, прошедшей опустошительной поступью по всей земле. Нужно было лишь своевременно принять необходимые меры, и, я уверен, Вторая мировая война была бы предотвращена, причем без единого выстрела, а Германия смогла бы стать процветающей, могущественной и всеми уважаемой страной. Однако никто не верил в надвигающуюся опасность, и постепенно, одна за другой, страны мира оказались втянутыми в чудовищный водоворот войны»[3, с. 380].

В своей фундаментальном труде «Вторая мировая война» Уинстон Черчилль подробно описывает этапы того, как Гитлер шел к власти. По его мнению, реальность XX столетия диктовала необходимость широкого международного сотрудничества: «В структуре и обычаях демократических государств, если только они не сольются в более крупные организмы, отсутствуют те элементы устойчивости и убежденности, которые только и могут обеспечить безопасность простым людям. <...> Мы увидим абсолютную необходимость широких международных действий, постоянно совместно осуществляемых многими государствами, независимо от каких-либо перемен в их внутренней политике»[2, с. 28].

Однако первая попытка создания надгосударственного образования в XX веке оказалась обречена на провал; по мнению Уинстона Черчилля из-за специфики внутренней политики США: «По окончании мировой войны 1914 года почти все были глубоко убеждены и надеялись, что на всем свете воцарится мир. <...> Президент Вильсон, олицетворявший, как все полагали, авторитет Соединенных Штатов, добился того, что идея создания Лиги Наций

овладела умами»[2, с. 19]. Но «едва была создана Лига Наций, как ей был нанесен почти смертельный удар. Соединенные Штаты отреклись от детища президента Вильсона, а затем его партия и его политический курс были сметены победой республиканцев на президентских выборах 1920 года»[2, с. 25].

Черчилль писал о том, что нерешенные вопросы по итогам Первой мировой войны, стали фундаментом, из которого выросла Вторая мировая война: «Территориальные статьи Версальского договора оставляли Германию фактически нетронутой. Она по-прежнему оставалась крупнейшим однородным национальным массивом в Европе. Маршал Фош, услышав о подписании Версальского мирного договора, удивительно верно сказал: "Это не мир. Это перемирие на двадцать лет"»[2, с. 21-22].

«Экономические статьи договора были зловны и глупы до такой степени, что становились явно бессмысленными. Германия была принуждена к выплате баснословных репараций. <...> Германия выплатила или оказалась способной уплатить выжатую из нее впоследствии контрибуцию исключительно благодаря тому, что Соединенные Штаты щедро ссужали деньгами всю Европу, а ее в особенности. <...> Германия получила в виде займов два миллиарда фунтов стерлингов против одного миллиарда репараций, выплаченных ею в той или иной форме путем передачи своих активов или валютных ресурсов в иностранных государствах или путем ловких манипуляций с колоссальными американскими займами»[2, с. 22]. «До 1931 года победители, и в особенности Соединенные Штаты, сосредоточивали свои усилия на том, чтобы вымогать у Германии ежегодные репарационные платежи, для чего ее подчиняли раздражающему иностранному контролю. Поскольку эти платежи могли производиться лишь благодаря гораздо крупным американским займам, вся эта процедура сводилась к полнейшему абсурду. Единственным ее плодом было чувство вражды»[2, с. 27].

«Победители навязали немцам все то, что было идеалом, к которому издавна стремились либеральные страны Запада. Они были избавлены от бремени обязательной воинской повинности и от необходимости нести расходы, связанные с вооружением. Наконец, несмотря на то, что они не располагали кредитом, им были навязаны огромные американские займы. В Веймаре была провозглашена демократическая конституция, соответствовавшая всем новейшим достижениям в этой области. После изгнания императоров избраны были ничтожества»[2, с. 23].

«Германия была разоружена. Вся ее артиллерия и иное оружие были уничтожены. Ее флот был уже потоплен в Скапа-Флоу самими немцами. По Версальскому договору Германии разрешалось иметь для поддержания порядка в стране профессиональную армию, не превышающую 100 тысяч человек с длительным сроком службы, что лишало ее возможности накапливать для себя резервы. <...> Германии не разрешалось иметь какую-либо военную авиацию. Запрещалось иметь подводные лодки, а германский военно-морской флот был ограничен незначительным количеством судов, тоннаж которых не должен был превышать десяти тысяч тонн. <...> Строгое соблюдение статей мирного договора о разоружении в любой период до 1934 года обеспечило бы на неограниченный срок без всякого насилия и кровопролития мир и безопасность человечества. Однако пока нарушения оставались мелкими ими пренебрегали, когда же они стали серьезными, от этого начали уклоняться. Так была отброшена последняя гарантия длительного мира»[2, с. 27].

Однако, по мнению Черчилля, не учитывалось то, что «вполне естественно, что гордый народ, потерпевший поражение в войне, будет стремиться как можно скорее снова вооружиться. Ввиду этого на победителей ложится ответственность за то, чтобы постоянно держать своего противника разоруженным»[2, с. 36-37]. Он описывает этапы того, как восстанавливалась военная мощь Германии: «Создателем ядра и структуры будущей германской армии был генерал фон Сект. Уже в 1921 году Сект был занят разработкой как тайных, так и явных планов создания большой германской армии и вел почтительные споры с Межсоюзнической военной контрольной комиссией по поводу различных своих мероприятий. <...> В Берлине под вывеской департаментов реконструкции, науки и культуры сосредоточились несколько тысяч штабных офицеров, переодетых в штатское, которые вместе со своими помощниками были поглощены тщательным обдумыванием прошлого и будущего»[2, с. 36-37]. «В течение нескольких лет практиковалось в небольших масштабах

краткосрочное обучение солдат неофициальным порядком. Солдат, проходивших такое обучение, называли «черными», то есть нелегальными. Начиная с 1925 года работа по подготовке «черных» была передана в ведение министерства рейхсвера и финансировалась из государственных средств. <...> Факт превышения сотысячного предела, установленного для германской армии, был официально признан только в апреле 1933 года, хотя ее численность уже давно превзошла эту цифру и продолжала неуклонно возрастать»[2, с. 37-38]. Что касается военной промышленности, то «...был приведен в действие план, согласно которому все новые промышленные предприятия, а также многие из старых – тех, что были построены с помощью американских и английских займов, предоставленных на нужды восстановления, – с самого начала предназначались для скорейшего перевода на военное производство. Таким образом, в то время как победители полагались на имевшиеся в их распоряжении массы устаревшего вооружения, в Германии год за годом создавался огромный промышленный потенциал для производства новых видов вооружения»[2, с. 39].

Сэр Уинстон Черчилль обращает особое внимание на то, что «все это время союзники располагали реальной возможностью и правом помешать всякому зримому или осязаемому перевооружению Германии. <...> По крайней мере, до 1934 года перевооружение Германии можно было предотвратить, не жертвуя ни одной человеческой жизнью»[2, с. 39].

Личности Гитлера Черчилль уделяет достаточно большое внимание в своей книге: «В октябре 1918 года, во время английской газовой атаки под Комином, один немецкий ефрейтор от хлора на время потерял зрение. Пока он лежал в госпитале в Померании, на Германию обрушились поражение и революция. <...> когда он был выписан из госпиталя <...> конвульсии, вызываемые поражением, были ужасны. В окружавшей его атмосфере отчаяния и безумия ясно выступали очертания красной революции. <...> В сентябре 1919 года ефрейтор направился на митинг германской рабочей партии, проходивший в одной из мюнхенских пивных. Здесь он впервые услышал выступления против евреев, спекулянтов и «ноябрьских преступников», заведших Германию в пропасть, – выступления, совпадавшие с его собственными тайными убеждениями. 16 сентября он вступил в эту партию, а вскоре после этого взял на себя руководство партийной пропагандой. В феврале 1920 года в Мюнхене состоялся первый массовый митинг германской рабочей партии, на котором руководящую роль играл уже сам Адольф Гитлер, изложивший в 25 пунктах программу партии. Он стал теперь политическим деятелем и начал свою борьбу за спасение нации»[2, с. 40-41].

«Гитлер с самого начала дал ясно понять, что путь к власти лежит через агрессию и насилие против Веймарской республики, рожденной позором поражения. К ноябрю 1923 года фюрер имел вокруг себя группу решительных сторонников, среди которых наиболее видными были Геринг, Гесс, Розенберг и Рем. Люди действия, они решили, что наступил момент попытаться захватить власть в Баварии. <...> В апреле 1924 года Гитлера приговорили к четырем годам тюремного заключения. Срок заключения был сокращен до тринадцати месяцев. За эти месяцы, проведенные в Ландсбергской крепости, он успел в общих чертах закончить «Майн кампф» – трактат, излагавший его политическую философию»[2, с. 42]. «Когда в конце 1924 года Гитлера выпустили из тюрьмы, он заявил, что ему понадобится пять лет, чтобы реорганизовать свое движение. <...> В 1928 году он располагал всего 12 мандатами в рейхстаге. В 1930 году эта цифра увеличилась до 107, а в 1932 до 230. К тому времени влияние и дисциплина национал-социалистической партии давали себя чувствовать уже во всем строе Германии; всякого рода запугивания, оскорбления и зверства в отношении евреев приобрели широчайшее распространение»[2, с. 44].

Черчилль утверждает, что Гитлера к власти привели совместно те политические силы, лидером, которых он стал и немецкие военные: «За фасадом республиканских правительств и демократических институтов, навязанных победителями и потому ассоциировавшихся с поражением, действительной политической силой в Германии был штаб рейхсвера. Это он назначал и смещал президентов и кабинеты. В лице маршала Гинденбурга он нашел символ своей власти и исполнителя своей воли. Но в 1930 году Гинденбургу было уже 83 года. С этого времени характер его стал портиться, а умственные способности ослабевать. Генералам давно уже было ясно, что придется искать подходящего преемника престарелому маршалу»[2, с. 44]. «После провала мюнхенского путча в 1923 году Гитлер про-

возгласил программу соблюдения строжайшей законности в рамках Веймарской республики. Однако в то же время он разрабатывал планы и поощрял расширение военных и полувоенных формирований нацистской партии. Вначале очень малочисленные отряды СА, штурмовые отряды, или коричневорубашечники, с их небольшим дисциплинированным ядром СС достигли такой численности и силы, что деятельность их и потенциальная мощь стали внушать серьезную тревогу рейхсверу. <...> Руководители армии постепенно пришли к заключению, что влияние нацистской партии в стране столь сильно, что Гитлер является единственно возможным преемником Гинденбурга в качестве главы германского государства. Гитлер со своей стороны понимал, что для осуществления его программы возрождения Германии необходим союз с правящей верхушкой рейхсвера. Сделка была заключена, и руководители Германской армии стали убеждать Гинденбурга рассматривать Гитлера как кандидата на пост канцлера рейха»[2, с. 45]. «30 января 1933 года Адольф Гитлер вступил на пост канцлера Германии»[2, с. 47]. «21 марта 1933 года в гарнизонной церкви в Потсдаме, близ гробницы Фридриха Великого, Гитлер открыл первый рейхстаг третьего рейха. В церкви сидели представители рейхсвера – символ непреходящей германской мощи – и старшие офицеры штурмовых и охранных отрядов. 24 марта большинство рейхстага, подавив или запугав всех противников, 441 голосом против 94 приняло решение о предоставлении канцлеру Гитлеру чрезвычайных полномочий сроком на четыре года»[2, с. 48]. «Со дня своего прихода к власти он отдал приказ решительно развертывать по всей стране подготовку к войне как в учебных лагерях. Так и на предприятиях. <...> он приказал германским представителям покинуть и Конференцию по разоружению и Лигу наций»[2, с. 56-58].

Достаточно красочно Черчилль описывает то, как Гитлер расправился со своими внутренними противниками: «С приходом к власти Гитлера вскрылись глубокие расхождения между фюрером и многими из тех, кому он был обязан своим выдвижением. Штурмовые отряды, руководимые Ремом, все в большей степени становились представителями более революционных элементов партии. <...> В январе 1933 года отряды СА насчитывали 400 тысяч человек. К весне 1934 года Рем завербовал и организовал около трех миллионов человек. <...> Мистическая иерархическая великая Германия, о которой мечтал Гитлер, и пролетарская республика народной армии, к которой стремился Рем, были разделены непроходимой пропастью. <...> По словам Геббельса, адъютант Рема Карл Эрнст получил приказ попытаться организовать восстание. <...> Получив это сообщение, неизвестно правдивое или ложное, Гитлер немедленно принял решение. Он приказал Герингу овладеть ситуацией в Берлине. Сам же он вылетел в Мюнхен, намереваясь лично арестовать своих главных противников»[2, с. 56-58]. Ему это удалось. «По прибытии в Мюнхен Рем и его приближенные были посажены в ту самую тюрьму, в которой он и Гитлер десять лет назад вместе отбывали заключение. Днем начались казни. <...> Общее число ликвидированных лиц оценивается различно – от пяти до семи тысяч. <...> В эту ночь «длинных ножей», как стали ее называть, было сохранено единство национал-социалистической Германии, явившейся впоследствии бичом для всего человечества. Эта резня <...> показала, что новый хозяин Германии не остановится ни перед чем и что обстановка в Германии лишает ее всякого сходства с цивилизованным государством»[2, с. 59-60]. «В разгар всех этих событий и тревог скончался престарелый фельдмаршал Гинденбург, который совсем уже одряхдел за последние месяцы, а поэтому более чем когда либо превратился в орудие в руках рейхсвера. Гитлер стал главой германского государства, сохранив пост канцлера. Он стал теперь властелином Германии»[2, с. 61].

В то же время академик И.М. Майский в своей книге показывает английские основания возвышения Гитлера: «чемберленовцы выдвинули новый план для парирования германской угрозы, который в то время именовался «концепцией западной безопасности». Если в 1934 году правящие круги Англии всех толков и течений склонялись к возрождению Антанты эпохи первой мировой войны и видели именно в ней гарантию сохранения Британской империи, то теперь, в 1935 году, среди правящих кругов Англии стало все явственнее обнаруживаться расслоение между сторонниками «государственного интереса» и сторонниками «классовой ненависти». Первые по-прежнему стремились к возрождению Англии и, стало быть, к сближению между Англией и СССР. Вторые все больше увлеклись игрой на другую

лошадь. Они рассуждали примерно так: «Для Британской империи опасны и гитлеровская Германия и Советская Россия: надо столкнуть их между собой (тем более, что фашисты и коммунисты ненавидят друг друга), а самим остаться в стороне; когда Германия и СССР хорошенько пустят друг другу кровь и в результате войны сильно ослабнут, настанет момент для выступления на сцену «запада», прежде всего Англии, - тогда «запад» продиктует Германии и СССР такой мир, который на долгое время, если не навсегда, обеспечит безопасность Британской империи и, возможно, ее мировую гегемонию». Из этой концепции естественно вытекали борьба против сближения между Лондоном и Москвой, а также всяческое поощрение Гитлера к развязыванию войны на востоке»[1, с. 53-54].

И.М. Майский приводит слова Черчилля, который в частной беседе, критикуя данную позицию, указал на следующее: «Эти люди рассуждают так: все равно Германии где-то нужно драться, в какую-то сторону расширять свои владения, - так пусть она лучше выкроит себе империю за счет государств, расположенных на востоке и юго-востоке Европы! Пусть она тешится Балканами или Украиной, но оставит Англию и Францию в покое. Такие рассуждения, конечно, сплошной идиотизм, но, к сожалению, они еще пользуются значительной популярностью в известных кругах консервативной партии. Однако я твердо убежден, что победа в конечном итоге останется не за сторонниками «западной безопасности», а за теми людьми, которые подобно мне или Ванситарту, считают, что мир неделим и что Англия, Франция и СССР должны явиться костяком того оборонительного союза, который будет держать Германию в надлежащем страхе. Никаких уступок Гитлеру делать нельзя. Всякая уступка с нашей стороны будет истолкована как признак слабости и только окрылит Гитлера к повышению его требований»[1, с. 55].

И.М. Майский приводит конкретные примеры попустительства этих оппонентов Черчилля в правительстве Англии, приводившие к усилению Гитлера. Один из наиболее ярких - «англо-германское морское соглашение, подписанное в июне 1935 года. Как известно, Версальский договор устанавливал очень жесткие ограничения для морских вооружений Германии. В феврале 1935 года Гитлер односторонним решением разорвал все военные статьи этого договора и приступил к гонке немецких вооружений на суше и на море. Конференция в Стресе осудила (хотя и в мягкой форме) названные действия «фюрера». И вот теперь, всего через два месяца после Стрезы, Англия официально признала право Германии на морские вооружения, далеко выходящее за версальские рамки! <...> Официозные комментарии не оставляли сомнений в том, что важнейшим мотивом для заключения такого соглашения было стремление Англии обеспечить Германии господство на Балтийском море против СССР. Дорога для гитлеровской гонки вооружений была не только открыта, но даже юридически узаконена»[1, с. 57-58].

«Когда 7 марта 1936 г. Гитлер объявил о разрыве Локарнского договора и реокупировал Рейнскую область и когда СССР предлагал принять решительные меры против этого нового акта агрессии, Англия и Франция при поддержке США ограничились лишь словесными протестами, которые оказывали на Гитлера такой же эффект, как слова крыловского повара на коту Ваську. А между тем, как позднее стало известно, гитлеровские генералы, вступая в Рейнскую область, имели в кармане предписание немедленно ретироваться, если французы окажут им какое-либо сопротивление»[1, с. 59].

Невиля Чемберлена, английского политика, оказавшего наибольшую поддержку развитию режима Гитлера, как своими действиями, так и бездействием, Майский характеризовал, забывая о том, что как дипломат, он должен был бы более подбирать слова: «Невиль Чемберлен был, несомненно, самой зловецей фигурой на тогдашнем политическом горизонте Англии. Зловецей по глубоко органичной реакционности своих воззрений, зловецей по тому влиянию, которым он пользовался в консервативной партии. Тот факт, что Невиль Чемберлен был человеком ограниченных взглядов и малых способностей, что его политический кругозор, по выражению Ллойд Джорджа, не возвышался над кругозором «провинциального фабриканта железных кроватей», только усугублял опасность от его пребывания у власти. <...> В 1917 году, как консерватор знатного происхождения, Невиль Чемберлен получил пост министра рекрутирования армии в коалиционном кабинете Ллойд Джорджа, но позорно провалился и был изгнан премьером из правительства. И вот теперь этот самый Невиль

Чемберлен стал главой британского кабинета, да еще в такой сложной и трудной мировой обстановке!»[1, с. 61-62].

Майский описал и свои впечатления от общения с Чемберленом по проблеме гитлеровского нацизма: « - Если бы мы могли, - говорил он, - сесть с немцами за один стол и с карандашом в руках пройтись по всем их жалобам и претензиям, то это сильно прояснило бы отношения.

Итак, все дело лишь в том, чтобы сесть за один стол с карандашом в руках! Как просто! Мне невольно вспомнились слова Ллойд Джорджа - «провинциальный фабрикант железных кроватей». Действительно, Гитлера и себя он, видимо, представлял как двух купцов, которые поспорят, пошумят, поторгуются и затем в конце концов ударят по рукам. Вот как примитивны были политические понятия премьера!»[1, с. 62]

В реальности именно политика Чемберлена и назначенного заместителем премьера, а затем министром иностранных дел лорда Галифакса во многом и спровоцировала гитлеровскую агрессию вне Германии. Как писал Майский «из записи беседы Гитлера и Галифакса 17 ноября 1937 года, опубликованной МИД СССР в 1948 году, совершенно ясно, что Галифакс от имени британского правительства предлагал Гитлеру своего рода альянс на базе «пакта четырех» и предоставления ему «свободы рук» в Центральной и Восточной Европе. В частности, Галифакс заявил, что «не должна исключаться никакая возможность изменения существующего положения» в Европе, и далее уточнил, что «к этим вопросам относятся Дания, Австрия и Чехословакия». <...> Гитлер <...> мог рассматривать свою беседу с Галифаксом как благословение Лондона на насильственный захват «жизненного пространства» в указанных районах.<...> Он не стал терять времени, и 12 марта 1938 г., через 12 дней после назначения Галифакса министром иностранных дел, сделал первый крупный «прыжок» - молниеносным ударом захватил Австрию. Точно издеваясь над лондонскими «умиротворителями», «фюрер» приурочил свой захват как раз к тому дню, когда Чемберлен торжественно принимал у себя приехавшего в Англию германского министра иностранных дел Риббентропа. И что же? Англия и Франция реагировали на столь вопиющий акт агрессии лишь словесными протестами, которые ни они сами, ни тем более Гитлер не принимали всерьез»[1, с. 67].

После Австрии угроза нависла над Чехословакией. И опять Гитлер добился успеха именно благодаря попустительству определенных сил в Англии. Как писал Майский, «вместо того, чтобы заявить, что Англия вместе с Францией не даст Гитлеру проглотить Чехословакию (а такой шаг еще имел шансы остановить руку агрессора), правительство Чемберлена решило отправить в Чехословакию миссию во главе с лордом Ренсимоном. Кто такой был лорд Ренсимен? Это был никогда не занимавшийся международными делами престарелый сановник, глухой, малоподвижный, и даже толком не знавший, где находится Чехословакия (я убедился в этом из одного разговора с ним, происходившего летом 1938 г.). Какая цель ставилась перед миссией Ренсимена? Официально миссия должна была «исследовать» на месте ситуацию и сделать посредническое предложение в целях урегулирования германо-чешского конфликта. Фактически, однако, как показали события, «работа» миссии свелась к прокладыванию пути для расчленения Чехословакии»[1, с. 71].

И это при том, что «Франция имела с Чехословакией пакт взаимопомощи, и, если бы Германия напала на Чехословакию, Франция обязана была бы выступить на ее защиту. Англия такого формального пакта с Чехословакией не имела, но, как близкая союзница Франции, она тоже не могла бы остаться в стороне»[1, с. 71]. Министр иностранных дел СССР М.М. Литвинов «2 сентября 1938 г. заявил французскому поверенному в делах в Москве Прайяру (посол Наджиар был в отсутствии) и просил его срочно передать французскому правительству, что правительство СССР в случае нападения Германии на Чехословакию исполнит свои обязательства по советско-чехословацкому пакту взаимопомощи 1935 года и окажет Чехословакии вооруженную помощь. <...> Примерно в то же время, как впоследствии заявил Готвальд (ставший после войны президентом Чехословакии), И.В. Сталин через него довел до сведения президента Чехословацкой республики Бенеша, что Советский Союз готов оказать Чехословакии вооруженную помощь, даже если Франция это не сделает»[1, с. 72-73].

Как писал И.М. Майский «я не сомневался тогда, не сомневаюсь и сейчас, что если бы французское правительство подхватило протянуло ему советскую руку, если бы Англия и Франция хотя бы в этот поздний час искренне пошли на совместные действия с СССР, Чехословакия была бы спасена, а весь ход европейских и мировых событий принял бы иное направление. Однако поступить так — означало бы поссориться с Гитлером, поставить крест над планами «западной безопасности», отказаться от надежд столкнуть Германию с СССР... Ни Чемберлен, ни Даладьё на это не хотели пойти!»[1, с. 74-75]

«Как известно, первое паломничество Чемберлена к Гитлеру состоялось 15 сентября. Гитлер принял британского премьера в Берхтесгадене и выдвинул свои требования к Чехословакии, угрожая в случае отказа последней применить силу. Чемберлен вернулся в Лондон. Состоялось экстренное совещание англо-французских министров, которое приняло требования Гитлера. 19 сентября под нажимом из Лондона и Парижа чехословацкое правительство также приняло эти требования»[1, с. 77-78]. А дальше были новые уступки. «В итоге за спиной Чехословакии было подписано мюнхенское соглашение, суть которого сводилась к следующему. Судетская область передавалась Германии со всем находящимся там имуществом, а сверх того Чехословакия должна была удовлетворить территориальные требования к ней со стороны Польши и Венгрии. Остальная Чехословакия, беззащитная и униженная, должна была получить гарантию «большой четверки» (Англия, Германия, Франция и Италия), гарантию, ценность которой после всего случившегося была немногим выше нуля. Для того, чтобы хоть немного ослабить гнетущее впечатление, которое на широкую английскую общественность должно было произвести мюнхенское предательство, Чемберлен уговорил Гитлера подписать вместе с ним бумажку о том, что отныне не должно быть войн между Англией и Германией. Никчемную бумажку, годную, как показало дальнейшее, лишь для мусорной корзины!.. Этой бумажкой Чемберлен демонстративно размахивал по возвращении из Мюнхена на лондонском аэродроме, громко провозглашая, что теперь обеспечен «мир в наше время!..»[1, с. 79-80].

И.М. Майский делает вывод, что «если говорить о лицах, которые помогли Гитлеру, которые наиболее полно олицетворяли эти реакционные силы и проводили удобную им политику, то надо в первую очередь назвать Невилля Чемберлена и Даладьё. Трудно переоценить всю глубину их исторической ответственности за развязывание второй мировой войны и за бесчисленные жертвы, потери и страдания, которые она принесла с собой человечеству»[1, с. 196].

Воспоминания И.М. Майского, при всей дипломатической сглаженности формулировок, в основном все-таки присущей его книге, указывают на то, что без поддержки определенных политических и финансовых кругов Англии Гитлер не смог бы прийти к власти в Германии, и его дальнейшее продвижение к развязыванию Второй мировой войны было связано именно с наличием поддержки и попустительства этих кругов Британской империи и отчасти Франции. Косвенно его слова подтверждаются и содержанием книги Уинстона Черчилля «Вторая мировая война».

Библиографический список:

1. Майский И.М. Кто помогал Гитлеру (из воспоминаний советского посла). М., 1962.
2. Черчилль У. Вторая мировая война. Книга 1. Тома 1-2. М., 1991.
3. Черчилль У. Как я воевал с Россией. М., 2011.

©Федотов А.А., 2021